

КНИГА, ДЛИНОЙ В ВОЙНУ

Грандиозный труд, уникальная книга, историческое и одновременно высокохудожественное произведение – все эти слова о новом двухтомнике волгоградского поэта Виктора Пермякова «От июня до Берлина». Каждому дню Великой Отечественной, которых было 1418 – от 22 июня 1941 года до 9 мая 1945-го, посвящено отдельное стихотворение, основанное на реальном историческом событии, часто малоизвестном.

РАЗГОВАРИВАТЬ с Виктором Пермяковым о конкретике почти не получается. Его энциклопедические знания, владение иностранными языками, эрудиция в области истории мировой культуры и дружба с художниками, поэтами, людьми искусства разных стран, обогащающая его личную культуру, постоянно уводят разговор в сферы самые разнообразные. Мы углубляемся в историю и расширяемся в искусство. Общение с ним – большое удовольствие и работа, в ходе которой ты получаешь новые знания. Так же, как и его произведения, он материален в деталях и идеалистичен в образах. А чтение его стихов всегда – это не только эмоциональный отклик души на хорошую поэзию, но и пища для ума.

– Как ты решился на такой труд? Как вообще это придумалось?

– Есть же разные поэтические циклы – «Стихи о прекрасной даме», например. Не мной заведено. И у меня этот опыт не первый. Есть у меня сборник «Кофеппара», небольшой, правда, на

не всю, растягиваю впечатление. Но вижу, что это действительно энциклопедический труд. Где и как ты искал факты и действующих героев?

– Все-таки это художественное произведение, там есть и придуманные истории. Но они все обязательно построены на исторических моментах. Самый знаменитый домысел, который уже имеет резонанс в Европе, связан с моим давно написанным стихотворением и посвящен 3 февраля 1943 года. Принята капитуляция Паулюса, первый день мира в Сталинграде. Генерал Ласкин, начальник штаба у Шумилова, пишет, что между Тракторным и Красным кругом развалины, и вдруг видит дымок. Ему говорят: стойте, товарищ генерал.

крепки, как сталь», тоже думал не о Сталине.

Анна Ахматова – автор антисталинского «Реквиема». У неё, не говоря о расстрелянном муже, любимый в лагере умер, сын был арестован, её вместе с Зощенко с высоких трибун ошельмовывали. Но она – олицетворение аристократического Петербурга – говорила, что поскольку никогда в мире в одном городе не гибли столько людей и не было такой масштабной героической обороны как в Ленинграде, город после всего этого не может быть Петербургом: трагедия и подвиг ленинградцев затмевают все остальные доводы. То же и в нашем городе. 2 февраля и 9 мая мы живём в Сталинграде, и чтим подвиг сталинградцев, причём явно не так, как в остальные дни. Такая двусмысленность – казуистический компромисс ради умиротворения

позиции ветеранов. В действительности это – неуважение к ним, которое они вынуждены сносить, и неуважение к погибшим, которые возразить не могут. Такая непоследовательность и не принципиальность приводят к досадным и постыдным последствиям.

– Подзаголовок двухтомника «От июня до Берлина» – реквием. Это именно реквием, скорбный, траурный. Не героизация подвига, не поэма даже...

– Тут всё, но поскольку это величайшая из мировых трагедий, она не может не быть реквиемом. Когда я начал книгу, у меня ещё не было всеобъемлющего понимания, всякий пред-

ания. Далее. Когда человек попадает в армию, все требуют обращения на «вы»: «Почему вы обращаетесь не по форме, товарищ солдат?» А тут: «Дядя Вова, мы с тобой». Главнокомандующему вооруженных сил говорят «ты». Тем более это не просто дети, это ребята кадетского корпуса!

– Ну, не всегда у нас понимают в какую форму одеть патриотизм. Тут хотели понравиться.

– И ровно поэтому к нам 23 августа, который мы поминаем, как день скорби, приезжали «Ночные волки». Я посвятил этому событию стихотворение, очень жесткое. И хотел, чтобы Пьер Паоло Коос вставил его в предисловие. Но редактор понял, что книга не пройдет с этим стихотворением, его убрали. Может это и благоразумно. Смысл же его в том, что у «Волков» татуировки, похожие на свастики, а они заявляют, что патриоты России. И в день скорби устроили шоу. Я несколько не против таких шоу, но не в этот день. Я не религиозный человек, но поддерживаю мнение патриарха, сказавшего, что в день праздника надо праздновать, а в день скорби надо скорбеть. А что говорили пришедшие на это шоу волгоградцы в репортаже по региональному телевидению, всегда послушному местному начальству? «Офигеть!», следующий зритель: «Офигенное шоу!» В глазах у них – счастье от зрелища. Вот прочитать два тома книги – это трудно, это работа. Может, не менее трудная, чем написать. А глазеть на летающих мотоциклистов – легко. Не надо ни думать, ни работать. Но чему учит этот полет с прыжками? Ничему.

30 стихотворений. Название — соединение двух слов, кофе в Ферраре. Есть там кафе, где наш выдающийся Глеб Вяткин любит пить кофе. Мне там подарили путеводитель по Ферраре, и я решил каждому архитектурному объекту, указанному в нём, посвятить стихотворение. После был марафонский цикл к 300-летию Петербурга на 300 стихотворений. Есть несостоявшаяся история с написанием цикла к тысячелетию Казани, делал я такое предложение министру культуры Татарстана, потому что требовалась помощь с подбором фактов и событий. Мне показалось, там не захотели, чтобы эту книгу писал русский. А через несколько лет узнал, что вопрос обсуждался в казанском Союзе писателей, и сказали, что это невозможно — написать подобную книгу на тысячу стихов. Но оказалось, что возможно и на 1418 стихотворений написать. Что я и сделал.

- Понимаю, что все стихи тебе дороги, но есть ли те, которые ты выделяешь особенно?

- Сам я перечел уже написанную книгу два раза. И иногда, возвращаясь к своим же стихотворениям, плакал. Казалось, в самых неподходящих местах. Есть там не самое высокое стихотворение о полковнике Сологубе. Наши войска захватывают плацдарм на другом берегу Дона, а Сологуб стоит в рост, и ему снесло полчерепа. Он, вроде, живой, мозг ведь не чувствует боли, он почувствовал только холод внутри, а весь Дон горит, а ему только холодно. Мне показалось так это страшно — противостояние какой-то биологической структуры всей истории. Или погибшая рыба, которая плывет сверху брюхом, как будто её браконьеры убили. А на самом деле, в реку рухнул подбитый самолет. Рыба-то в войне не участвовала, но стала жертвой войны.

- Я уже читала твою книгу, правда, ещё

вдруг немцы. Точно, немцы, трое сидят — играют в преферанс. Им говорят: хенде хох, и Ласкин в мемуарах пишет: «Кончена игра!», то есть они подняли руки, история поставила окончательный восклицательный знак победы. Я этот случай буквально пересказываю: дымок, стойте здесь, товарищ генерал, хенде хох, но немецкий солдат не поднимает руки, а вытаскивает туза, разрывает и вдавливает в сталинградский снег. Потом приезжала ко мне Анна Мария Карпи, итальянская германистка, её сейчас представили на Нобелевку по литературе. Ей понравилась моё стихотворение, она его перевела, а потом делала поэтический сборник и попросила разрешения назвать свою книгу «Туз на снегу». Затем эту книгу вместе

Прочитать два тома книги — это трудно, это работа. А глядеть на летающих мотоциклистов — легко.

с историей про туза перевел на немецкий Дурс Грюнбайн. И так сюжет уже кочует по другим источникам.

- Вот я считаю, что ты — прогрессивный поэт, просвещённый космополит, и вдруг ратуешь за переименование города в Сталинград. Как так?

- А потому что приезжаешь в Бордо, видишь уникальные, перешедшие под Эгиду Юнеско здания, переезжаешь мост, построенный Наполеоном, и там — огромная площадь Сталинграда. Станция метро «Сталинград», площадь Сталинградской битвы в Париже. Французы знают, кто такой Сталин, но у них площадь не Сталина, а Сталинградской битвы. Критикуйте Сталина, если хотите, но Сталинград — это отправной пункт Победы. Король Георг, подаривший меч с надписью «Жителям Сталинграда, чьи сердца

мет надо изучать глубоко. Потом накопительные количественные моменты фактов и событий перешли в глубинное понимание войны, которое редко у кого сейчас есть просто по той причине, что я этим занимался больше, чем остальные. Написать такую книгу — не меньший труд, чем написать такой же по объёму труд о войне в прозе. Есть много источников, которые я использовал в работе, и есть хорошие книги историков о малоизвестных событиях войны. Но вот без казусов не обходится. Один довольно известный историк пишет примерно следующее: начинается Сталинградская битва, немцы входят в Калач, кругом растут абрикосы, магнолии.

- Магнолии в Калаче?

- Да, так и пишет. А факты приводит интересные и видно, что работал над ними глубоко, со ссылками на серьезные источники. Он все внимательно изучал и он не виноват. Но он так думает. Просто ляп из другой области — не знает специфики нашего ландшафта, нашей географии. И таких ошибок в исторических трудах огромное количество.

- Ты хочешь сказать, что ошибки могут быть у всех, но не все заслуживают серьезного порицания?

- Помнишь, был скандал с песней нашей покойной депутатши «Дядя Вова»? Вот это кощунственная ошибка. Это сама по себе любительская песня, и я несколько не обвиняю автора. Он сделал её для своего пользования, но видно заело тщеславие, и согласился на публичное телевизионное воспроизведение. Этого нельзя было делать. Дети в форме поют на Мамаевом кургане: можем вернуть Аляску. Совершенно агрессивный посыл, полное расшатывание баланса и всей нашей мирной политики. Глупость во всех отноше-

- Два объемных тома. Каждая страница — отдельный эпизод. Сложно сейчас издавать такие книги?

- Здорово помог Владислав Коваль. Он показал мои материалы покойному теперь Олегу Васильевичу Иншакову, ректору, а впоследствии президенту Волгоградского государственного университета, и Иншаков сказал: «Мы эту книгу печатаем».

- Конечно же, она войдет в историю. И он, наверняка, это сразу понял.

- Такие длинные книги не пишут каждый день (улыбается). Как автор, могу сказать, что там плохих стихов нет. Есть добротные, а есть замечательные, но сила этой книги в цельности. Вы проходите всю войну. А поскольку её за день не прочтешь, это занятие растянется, как минимум, на несколько дней, то за эти несколько дней вы узнаете Великую Отечественную подружому. Можно испытать определенные эмоции, посетив мероприятие, посвященное войне, например, шествие «Бессмертный полк». Это трогательно, но вы войну в это время не изучаете, у вас ничего не прибавляется в знаниях о ней. А тут прибавляется, да ещё в глобальном, полископическом виде.

- Я поняла, что будет продолжение и ты намерен описать все дни Второй мировой войны?

- Да, и значительная часть уже готова. Есть весь 1939 год и почти весь 40-й. И там много чего интересного. Когда читаешь иностранные источники, понимаешь, как много циничного позволяла себе западная пресса. И прикрывала свои неудобные места, и умалчивала о многом.

Наталья СПЕКТОРОВА